

Содержание:

image not found or type unknown

Введение

Семиотический подход к коммуникативному взаимодействию, а также общая теория знаков - семиотика обычно рассматриваются в трех измерениях - синтаксическом, семантическом и прагматическом. Сама концепция трех измерений семиотики была обоснована последователем К. Пирса, американским философом Чарльзом Моррисом. Он поставил перед собой задачу разработать самые общие принципы культурной теории общения. Согласно Моррису, человек - это животное, использующее знаки, а уровень используемой системы знаков принципиально отличает человека от остального животного мира.

Семиотику, согласно Моррису, можно условно разделить на три предметно-изолированные области - синтактику, которая направлена на изучение отношений между знаками, закономерностей их сочетания и композиции в языковых конструкциях - высказываниях или дискурсах; семантика, рассматривающая отношения между знаками и обозначенными ими объектами, анализирующая значение и значение знаков; прагматики изучают отношения «человек-знак» и фокусируются на практических аспектах использования знаков, систем знаков, языков в процессе общения. Это разделение, как отметил американский философ, может быть, как логически, так и исторически связано со средневековым «тривиумом» (от латинского «trivium» - «трехсторонний») классических гуманитарных наук - грамматики, логики и риторики.

Три компонента классических мелочей могут быть объективно и методологически связаны с тремя измерениями семиотики. Грамматика будет соответствовать синтактике, логике семантике и риторике прагматике.

Синтаксис посвящен изучению законов построения знаковых систем, их синтаксиса, то есть структуры комбинаций знаков, правил формирования и преобразования этих комбинаций независимо от их значений. При изучении естественных языков и искусственных языков логики и математики синтаксис связан с грамматикой языка, то есть правилами формирования и преобразования

знаковых комплексов, например, слов, предложений и символических символов. выражения. Семантика имеет дело с отношениями мира знаков к объектному миру, к тому, что они значат, к объектам, к которым они применяются. Она изучает закономерности формирования и функционирования смыслов в социальных взаимодействиях, опосредованных знаками. Наиболее важной задачей семантического измерения является передача правильного значения объекта с использованием адекватного имени. Логическая семантика связана с изучением истинности утверждения. Семантика соотносит знаки языка с объектом номинации (обозначение языкового знака или референт для речевого знака). Рассмотренные выше семантические треугольники Дж. Фреге и Огдена Ричардса показывают механизмы семантических отношений в процессе функционирования знака. Предложение, используемое на естественных языках, также может рассматриваться как специальный знак. Семантика этого типа знаков (предложений / предложений) изучается в специальной области семиотического знания - лингвистической- семиотике. К примеру, утверждение «Москва является столицей России» и фальшивая «Аддис - Абеба является столицей России» будет истинный знак предложение. Согласно концепции Р. Карнапа, семантику можно разделить на теоретическую («чистую»), которая изучает искусственные, в первую очередь формализованные языки, и прикладные, в которых объектами являются естественные языки [144]. Изучаемый язык называется объектным языком, а язык, с помощью которого анализ объектного языка называется метаязыком. Прагматика направлена на изучение отношений между знаками и их пользователями - людьми и социальными сообществами. Прагматические правила определяют условия, при которых символические единицы воспринимаются и функционируют как знаки. Именно агматическое измерение семиотики является лидером для понимания и объяснения характеристик человеческого общения в конкретной ситуации. Он показывает, как коммуникационные сущности интерпретируют знаки, как они используют семиотические средства в различных ситуациях, как их отношение, оценки и эмоциональные состояния влияют на выбор и применение языковых конструкций. Завершая рассмотрение трехкомпонентной структуры теории знаков, отметим, что описанные три компонента образуют, согласно концепции К. Морриса, единую систему - язык общения. Он пишет: «Язык в полном семиологическом значении термина любой межличностный набор символических средств, использование которых определяется синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами». Следует также быть понятно, что различие между тремя измерениями Семиотика условна и необходима именно для решения аналитических и когнитивных задач. В функциональных и прикладных коммуникативных

плоскостях семантические, синтаксические и прагматические характеристики существуют неразрывно друг от друга и только в этом единстве адекватно описывают человеческое общение. Для успешного и эффективного общения необходимо, чтобы его субъекты могли использовать синтаксические, семантические и прагматические права ила, принятые в этом обществе.

Синтактика

Важнейшим предметом изучения синтактики является язык, поэтому он включен как неотъемлемая часть лингвистики (как синтаксиса естественного языка), логики и математики (как синтаксиса формальных языков).

Синтаксис естественного языка включает в себя набор грамматических правил, управляющих построением более сложных языковых единиц из более простых. Первоначально эта задача сводилась к изучению построения предложений и фраз из слов. Эта конструкция традиционно называется синтаксисом. В следующем пункте синтактика естественного языка понятна все шире. С одной стороны, он включал правила объединения меньших единиц слов, чем слов. Таким образом, синтаксическая компетенция включала изучение структуры не только предложений, но также слов и морфем, то есть области, традиционно называемой морфологией. С этим фактом связано появление обобщающего термина «синтаксис морфо». С другой стороны, синтаксическая задача также считается конструкцией более крупных единиц, чем предложение языка, такое как текст или дискурс. Таким образом, синтаксис естественного языка исследует синтаксис в его самом широком смысле, как правила генерирования различных языковых явлений (высказываний, речей, текстов или дискурсов), зафиксированных в языковой системе.

Синтаксис формальных языков включает алфавит исходного языка, правила построения предложений (или формул) из букв алфавита и правила вывода. В рамках логической синтактики разработаны критерии правильности языковых выражений. В частности, одной из задач синтаксического анализа является определение критериев правильности последовательностей формул, таких как выводы или доказательства. В этом смысле синтаксис формального языка представляет собой совокупность утверждений о синтаксических свойствах предложений на языке объекта. Примерами таких утверждений являются: «формула F доказуема на данном языке» или «формула F выводима из формулы G».

В рамках теории познания и философии языка синтактика чаще всего разрабатывается не самостоятельно, а в связи с задачами семантики или прагматики. Более того, само представление о синтаксисе языковых или знаковых систем может различаться в зависимости от основных подходов исследователя. Различные школы и направления исследований в семиотике и в философии языка были сосредоточены на различных аспектах существования знаковых систем. Можно (с определенной степенью условности) выделить синтаксически-семантический и прагматический подходы.

Для синтаксически-семантического направления синтаксис определяет способность языковых предложений выражать факты реальности. Так, для логического позитивизма (что связано со значительным прогрессом в изучении синтаксиса формальных языков) внутренняя структура языка должна обеспечивать две основные функции: 1) правильная запись содержательных предложений языка и 2) преобразования которые не изменяют значение (т. е. совокупность семантических свойств) предложения. Строгое различие между синтаксисом и семантикой в логическом позитивизме соответствует различию между аналитическими и синтетическими предложениями. С другой стороны, именно синтаксис языка определяет его отношение к реальности. Это обстоятельство особенно четко изложено Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате». Согласно его концепции, осмысленное предложение языка не просто выражает, а отображает реальную ситуацию, поскольку внутренняя (синтаксическая) структура предложения совпадает со структурой ситуации. Другими словами, язык, благодаря своему синтаксису, является своего рода зеркалом реальности.

Синтаксис в виде прагматического направления является совершенно иной. Первый опыт такой прагматической интерпретации синтаксиса был сделан К. Моррисом, который искал связь между внутренней структурой языка (а также других систем знаков) и поведением человека. Он считал важные сообщения стимулами, которые должны вызывать определенную реакцию слушателя. Связь знаков в сообщении, по словам Морриса, является корреляционной связью реакций. «Синтаксическая структура языка - это взаимосвязанность знаков, обусловленная взаимосвязанностью реакций, результатом или частью которых являются знаковые средства» (Моррис С. В. Основы теории знаков. - Семиотика. - М., 1983. С. 51). В более поздних работах Витгенштейна, во многом близкий подход к синтаксису языка

является разработан. Правила построения языковых выражений рассматриваются там как особый случай правил использования языка, которые, в свою очередь, являются субъективно установленными правилами поведения. Другими словами, синтаксис определяется природой языковых игр, принятых сообществом. Этот подход значительно расширяет область применения синтаксических правил по сравнению как с формальными правилами логического синтаксиса, так и с синтаксической нормой естественных языков, описанных в лингвистике. Реальные языковые игры могут допускать языковые конструкции, которые очень далеки от первого и второго.

Еще один вариант прагматического подхода к вопросу о месте синтаксиса рассматривается в теории речевых актов. В рамках этой теории вопросы, связанные с синтаксическим измерением языка, обсуждаются с точки зрения внутренней структуры речевого акта. Правила построения речевого акта имеют определенную прагматическую функцию: они служат для выражения (и идентификации) иллокутивной силы высказывания. Дж. Сирл, развивая тезис о интернациональности речевых актов, настаивает, кроме того, на зависимости внутренней структуры речевого акта от международных структур сознания.

Особое место среди различных подходов к синтаксису занимает теория Н. Хомского. Это, по-видимому, единственная концепция языка, учитывающая синтаксис независимо от других аспектов языковой деятельности; Более того, как его основа. В соответствии с идеями Хомского и его последователей, использование языка обусловлено главным образом наличие носителей языка в носителях языка, чтобы произвести правильные предложения. Все семантические и прагматические аспекты языка проявляются как производные этой первичной языковой способности.

В рамках изучения естественных языков в последние десятилетия наметились следующие тенденции в развитии синтактики:

- от изучения формы до изучения содержания синтаксических единиц, в частности отношения предложения к обозначенной им ситуации (так называемый семантический синтаксис);
- выход за пределы предложения в поле дискурса, текста (анализ супер фразовых фраз, абзацев, целых текстов);

- от языка к речи (изучение коммуникативных установок и условий использования речевых произведений);
- от объективных характеристик предложения к субъективной интерпретации высказываний (изучение косвенных речевых значений);
- от статического к динамическому синтаксису (изучение процессов функционирования и преобразования синтаксических единиц);
- от правил объединения (формирования) к правилам генерации (преобразования).

Семантика

Важнейшим предметом изучения семантики является язык (см. Язык); следовательно, он включен как компонент в лингвистике (как семантика естественного языка) и в логике (как семантика формальных языков). Возникает и в логике, и в лингвистике, семантические проблемы являются выражением общих философских проблем общения и мышления бытия. Вопрос о степени на какой язык способен выразить неязыковую реальность тесно связан с вопросом о способности мышления, чтобы понять объект внешнего по отношению к нему. Из основных взглядов на природу знака, лежащего в основе семантических конструкций, необходимо выделить те, которые были сформулированы на рубеже XIX и XX веков в работах Г. Фреге и Ф. де Соссюра. Их концепции (в значительной степени противоположные друг другу) по-прежнему определяют методы исследования и терминологию в лингвистике, семиотике и логике.

Г. Фреге принадлежит теория тройственной природы языкового знака. Сам знак (отдельный объект), во-первых, указывает на другой объект (значение знака), а во-вторых, концепт, соответствующий обозначаемому объекту (значение знака). Различие между смыслом и значением, введенное таким образом, впоследствии стало ключевым для многих логических и лингвистических теорий, в которых, однако, была принята иная терминология, чем ввел Фреге. Для обозначенного объекта используются термины *referent*, *denotat*, обозначение. То, что Фреге назвал «значением», иногда называют «знаком». Однако интерпретация этих терминов разными исследователями сильно различается. Часто для выражения, введенного Фреге, семантическое различие также представляет собой пару «расширение - интенционально». Фреге также ввел различие между

значением и значением для языковых предложений, утверждая, что для широкого класса предложений значение - это истина или ложь. Он также указал на существование таких языковых конструкций, которые имеют смысл, но не имеют значения (например, утверждения о вымышленных объектах). Согласно Фреге, основой любого психического акта является желание выразить сущность, независимо существующий объект, который обозначен в языке его именем и о котором говорит его понятие.

Ф. де Соссюр рассматривает природу знака как двойственную, называя знак единством означающего и означаемого. Последнее относится именно к тому, что Фреге называет значение, но подход Соссюра является принципиально иным. Семантические свойства языка определяется тем, что она представляет собой систему. Знаки существуют только по отношению друг к другу, и именно эти отношения, а не общение с внелингвистическими сущностями, определяют значение знака. Поэтому эталонная семантика вообще отсутствует в Соссюре. Эту позицию по-прежнему разделяют многие лингвисты (в основном французские). Итак, А.-Ж. Греймас и Дж. Курт называют «исключение референта необходимым условием развития лингвистики».

Подход Соссюра является лингвистическим коррелятом философского подхода, который стремится исключить категорию сущности из рассмотрения. Он был разработан, например, в марбургской школе для философов, чей критерий объективности знания - не отношение знания к «реально существующему» объекту (который абсолютно невозможно установить), а внутренняя согласованность самого знания. Последний рассматривается как структура, то есть совокупность отношений элементов, которые определяются (как языковые единицы в Соссюре) только их местом в системе и их отношениями друг с другом.

В логике и математике был разработан аналитический аппарат для описания семантики формальных языков. Основой этого аппарата является понятие интерпретации. Последняя является функцией, которая отображает каждому имени (отдельной константе) языка определенный объект из данного набора и каждому выражению языка (константе предиката) определенное отношение объектов одного и того же набора. Важнейшим элементом семантики формальных языков является понятие истины, которое рассматривается как формальное свойство правильно построенного выражения языка. Существенным в этом случае является необходимость введения метаязыка. Только с его помощью можно описать область объектов, установить интерпретирующую функцию и сделать выводы относительно истинности языковых выражений. Формальные основания

для разграничения объектного языка и метаязыка были получены А. Тарским. Последующее развитие логики (С. Крипке, Р. Мартин, П. Вудрафф) привело, однако, к построению «семантически замкнутых» языков, то есть тех, которые сами содержат способность делать выводы о семантических свойствах (в частности, , правда) языковые выражения. Однако общей чертой любого формального подхода является необходимость выражения неязыковых объектов с помощью языка (даже метаязыка). Поэтому изучение семантики свойств - это изучение отношений между знаками, а не отношений между знаком и объектом, который не имеет характера знака. Таким образом, семантика преобразуется в синтаксис.

При описании семантики естественного языка лингвисты также прибегают к концепции функциональной зависимости, реализуя схему, очень похожую на схему интерпретации формальных языков. В этом случае используется аппарат семантических категорий, введенный К. Айдукевичем. Самыми простыми категориями являются имя и предложение. Первый имеет в объект как расширение, второй имеет значение истина или ложь. Интенсивность лингвистического знака, принадлежащего этим категориям, является функцией (в строгом, теоретико-множественном смысле - Д. Льюиса и даже ранее Р. Карнапа), которая ставит его расширение в соответствие с ним. Более сложные категории выводятся из простейших по правилам синтаксиса и должны включать все возможные грамматические формы. Их семантика определяется конструкцией интенций, которые также являются функциями, но уже более сложными. Природа интенциональной часто определяется по-разному. Н. Хомский , например, видит в них врожденные паттерны действия, присущие психике человека. Р. Монтегю представляет их как объективные идеальные сущности, которые схвачены сознанием.

По сути, те же процедуры вводятся в логику, которая описывает формальные языки, и в лингвистике, которая изучает естественный язык: установление функциональных отношений между выражениями языка и «реальными» объектами и отношениями. Однако логика (и в еще большей степени математика) требует явного описания (опять же, с помощью языка) как функций, так и областей интерпретации. В лингвистике, когда дело доходит до интерпретации функций (намерений), носитель языка, который производит и интерпретирует знаки, может подразумевать некоторую когнитивную операцию (явно неописанную вообще). Следовательно, если логика приближает семантику к синтактике, то лингвистика превращает ее в прагматику. Эта «потеря»

семантики возникает в тех теориях, которые разделяют существенный элемент учения Фреге: язык рассматривается как средство выражения нелингвистических сущностей, то есть представления объективной реальности. В таких теориях постарайтесь установить связь с невысказанной мыслью, которая порождает естественные трудности.

Альтернативой пониманию семантики Ф. Реговым (помимо вышеупомянутой школы Ф. де Соссюра) является теория семантических примитивов А. Вержбицкой. Эта теория имеет прямое отношение к учению Р. Декарта о том, что любая сложная идея сводится к простой, интуитивной и ясной, не нуждающейся в разъяснении. Более теория зависимости находит семантические примитивы из философии Г. В. Лейбница, поскольку она может быть представлена как развитие его попыток создать универсальную характеристику. Согласно Вержбицкой, любой дискурс - это конструкция, построенная из довольно простых элементов по известным правилам. Смысл любой языковой конструкции ясен в той степени, в которой проясняется процедура построения, а также значение этих элементов. Последние, называемые семантическими примитивами, понятны интуитивно. Их описание не требует обращения к специальным методам (например, к введению интенций и расширений), поскольку их значение абсолютно прозрачно и не требует какого-либо выражения. Важно, чтобы число этих примитивов было небольшим, и их нумерация была легко достижимой.

Прагматика

Термин «прагматика» был введен в конце 30-х годов XX века К. У. Моррисом для обозначения одного из трех разделов семиотики (наряду с синтактикой и семантикой). Однако прагматический аспект существования систем знаков (включая язык) был впервые тщательно рассмотрен К. С. Пирсом в конце 19-го века. Пирс (как и Моррис, во многом следуя его идеям) почувствовал прагматичный основной компонент для определения характера знака. Знак становится таким не из-за свои физические свойства, но из-за определенное использованием его в обществе. Следовательно, как способ конструирования символических конструкций (синтаксис), так и отношение знаков к обозначенным объектам (семантика) являются лишь средством для знаков, чтобы выполнять свою основную функцию: обеспечивать общение между

людьми.

Согласно Пирсу, познание - это процесс упрощения реальности знаками. Необходимость в этом возникает потому, что познавательная деятельность осуществляется не изолированным субъектом (каким-то образом, пытающимся представить философскую традицию Р. Декарта), а сообществом, которое в своих совместных действиях развивает общее представление о Мир. Процесс познания заключается в производстве и интерпретации знаков (в основном лингвистических). В этом смысле истина, по мнению Пирса, не является соответствием суждений определенному объективному положению дел. Он представляет собой консенсус, достигнутый в сообществе. Другими словами, истина не семантическая (как ее представляет, например, А. Тарский), а прагматическая концепция.

В течение нескольких десятилетий после Пирса, несмотря на широкий интерес к темам, связанным с языком и системой знаков, исследователи почти не затрагивали прагматические вопросы. Большая часть работ в области семиотики, лингвистики и философии языка сфокусирована на синтаксически-семантическом подходе. Всплеск интереса к прагматике (в основном лингвистической) возник уже во второй половине 20-го века и был связан с разработками в рамках аналитической философии (см. философия). Первыми значительными событиями, свидетельствующими об этом, были, во-первых, поздние работы Л. Витгенштейна, а во-вторых, теория речевых актов Дж. Остина.

В концепции Витгенштейна можно увидеть абсолютизацию прагматического аспекта языка (хотя сам Витгенштейн не использует термин «прагматика»). В этом смысле предложенный им тезис характерен: «Смысл лингвистического выражения заключается в его использовании». Язык не существует, чтобы называть объекты и не выражать ментальные состояния. Это дает людям возможность сотрудничать при соблюдении определенных правил. Каждый лингвистический знак - это своего рода фигура в «языковой игре», чем-то похожая на шахматную фигуру. Шахматный король - это определенный знак, но значение этого знака определяется только правилами его использования в игре. Из употребления это ничего не значит (ничего не значит). Важной особенностью философии Витгенштейна является своего рода устранение субъективного фактора использования языка. Лингвистическое поведение является игрой из правил, разделяемых сообществом. Все, что связано с языком, носит исключительно публичный характер. Разговор на языке - это публично интерпретируемое событие, значение

которого определяется общими правилами, а не состоянием сознания говорящего.

Теория речевых актов - это другое направление изучения прагматического аспекта языка. В Декларации также признается, что основным языком является его прагматическая коммуникационная функция. Не отрицая роли общих правил, эта теория вводит в рассмотрение такие характеристики, как намерение говорящего, коммуникационная цель и так далее. Другими словами, согласно теории речевых актов, использование языка во многом зависит от сознания субъекта лингвистической деятельности.

Американская философия языка в свою очередь, направлении прагматиков, связанных с одной стороны, с традицией философского прагматизма, идущей от У Иакова и Иоанна. Дьюи, а с другой - критическое развитие синтаксических и семантических идей логического позитивизма. В. Ван О. Куайн разработал целостную концепцию, согласно которой одаренность языковых выражений смыслом происходит только в рамках целостной теории, выбор которой осуществляется сообществом на основе чисто прагматических критериев. Куайн дополняет этот холизм тезисом онтологической относительности, согласно которому соответствие языковых выражений определенным объектам можно охарактеризовать только в терминах другого (фонового) языка. Тем не менее Куайн стремится ввести некоторый элемент психологизма в свой прагматический холизм, утверждая, что в конечном итоге любой язык выступает в качестве средства концептуализации исходных сенсорных данных. Чувственный опыт возникает в результате контакта с «истинной» реальностью и заключается, прежде всего, в «возбуждении нервных окончаний». Таким образом, наряду с прагматически определенным и публично значимым языком, существенным моментом познания, согласно Куайну, является психическое или даже физиологическое состояние субъекта. Д. Дэвидсон, ученик Куайна, стремится более последовательно придерживаться прагматической линии. Он видит слабость позиции Куайна именно в попытке апеллировать к исходной реальности сенсорных ощущений, отмечая, что любой сенсорный опыт может существовать только в форме, определяемой некоторой концептуальной схемой. Мы всегда имеем дело только с концептуализированной реальностью. Наделение лингвистических выражений смыслом происходит в рамках общения и является результатом согласия участников общения (Д. Дэвидсон: Об идее концептуальной схемы . - Аналитическая философия. Избранные тексты. - М., 1993. С. 144-158).

Особая роль прагматического измерения языка в познании и рациональной деятельности обычно отмечается в философских концепциях, разработанных немецкими философами Я. Хабермасом и К.-О. Апель. Общей чертой, которая отличает их от большинства других ученых, занимающихся проблемами лингвистической прагматики, является своего рода абсолютизм. Этот абсолютизм, выраженный, в частности, в названиях их понятий («универсальная прагматика» Хабермаса и «трансцендентальная прагматика» Апеля), состоит в поиске универсальных (универсальных или трансцендентных) норм общения, присущих общению человека. В то же время Хабермас исходит из понятий «депривация» (во многом сходных с М. Арксовым) и «мир жизни» (во многом сходных с Г. Уссерлевским). Рационализированные и объективированные коммуникационные схемы, постоянно навязываемые человеку обществом, противопоставляются основным коммуникационным моделям жизненного мира. В то же время Хабермас постоянно имеет в виду определенный социальный проект, направленный на устранение этого противоречия и освобождение человека от власти объективированных (отчужденных) схем.

Апель строит свою трансцендентную прагматику на основе концепций коммуникационного сообщества Пирса и языковых игр Витгенштейна. Одним из важнейших понятий его философии является «трансцендентальная языковая игра». Это означает, что каждый человек, который входит в определенное сообщество и ведет, соответственно, любые языковые игры, способен общаться с любым другим человеком, включенным в другое сообщество, языковые игры которого, возможно, очень далеки от первого. Чем отличается или были их принципы связи, они все еще в состоянии найти некоторую общность и установить раппорт. Поэтому все люди, поскольку они говорят на языке, принадлежат к какому-то идеальному сообществу, включенному в потенциальную языковую игру, которая обновляется в форме различных частных языковых игр. Важной особенностью трансцендентальной прагматики Апеля является обращение к герменевтике как необходимому аспекту прагматики. Использование лингвистических знаков связано с пониманием, с интерпретацией доказательств, выраженных в них. Герменевтический момент особенно важен, потому что идеальное языковое сообщество не ограничивается только живыми людьми, способными к непосредственному общению. Общение охватывает всех, кто когда-либо использовал язык, и оставил какие-либо объяснимые доказательства себя. Поэтому проведение языковых игр связано с постоянным обновлением письменных и устных

традиций.

Апель также уделяет значительное внимание анализу научных знаний, указывая на взаимодополняемость двух его аспектов: объективное исследование и научное общение. Объективное исследование подразумевает предметно-объектные отношения и, в принципе, хорошо описано классической (восходящей к Декарту) философией науки. Однако абсолютизация этого аспекта приводит к тому, что Апель называет «методическим солипсизмом»: идея познания как деятельности изолированного (трансцендентного) субъекта, выражающего его научные результаты на определенном личном языке. Научные знания, по мнению Апелья, подразумевают общение между учеными, заключающееся в постоянной интерпретации сообщений и доказательств, оставленных разными исследователями. Эта трактовка неотделима от процесса научного исследования, результаты которого обязательно определяются коммуникационными нормами сообщества (Апель К.- О. Трансформация философии. - М., 2001).

В рамках современной лингвистики прагматика не имеет четких контуров; он включает в себя комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в общении и ситуацией общения.

В связи с предметом речи в рамках лингвистической прагматики изучаются:

- Явные и скрытые цели утверждения («иллокутивные силы», по Дж. Остину), например, передача какой-либо информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, совет, обещание, извинение, приветствие жалоба и т. д. ;
- Речевая тактика и типы речевого поведения;
- Правила разговора, подчиненные так называемому принципу сотрудничества, который рекомендует строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора, например, адекватно нормализовать передаваемую информацию (максимальное количество), передавать только достоверную информацию и разумные оценки (максимальное качество), сделать сообщение соответствующим теме разговора (максимы отношения), сделать речь ясной, недвусмысленной и последовательной (максимы речи); Эти правила, сформулированные Г.П. Грайс, называются конверсионными максимами или максимами разговора;
- Отношение говорящего или прагматическое значение высказывания: косвенные значения высказывания, намеки, аллегория, притупления и т. д.;

- Ссылка говорящего, то есть присвоение лингвистических выражений объектам реальности, возникающим из намерения, говорящего;
- Прагматические предпосылки: оценка докладчиком общего фонда знаний, конкретной информации, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, черт характера и способности понять адресата;
- Отношение говорящего к тому, что он сообщает: а) оценка содержания высказывания (его правдивость или ложность, ирония, осмысленность, легкомыслие и т. д.), б) акцентирование внимания одного из тех лиц, в отношении которых выступающий говорит говорит, или сочувствие (термин С. Куно), в) организация высказывания в соответствии с тем, что уделяется наибольшее значение в сообщении.

В связи с адресатом речи в рамках лингвистической прагматики изучаются:

- Интерпретация речи, в том числе правила получения косвенных и скрытых значений из прямого значения высказывания; в этих правилах учитываются контекст, прагматическая ситуация и предпосылки, а также цель, ради которой оратор может сознательно отклоняться от принятых принципов общения (например, нарушать принцип релевантности, сообщать об очевидных целях и и так далее);
- Влияние высказывания на адресата (перлокутивный эффект, по мнению Дж. Остина): расширение осведомленности адресата; изменение эмоционального состояния, установок и оценок адресата; влияние на его действия; эстетический эффект и т. д.;
- Типы речевого ответа на полученный стимул (прямые и косвенные реакции, например, способы уклонения от прямого ответа на вопрос).

В связи с отношениями между участниками общения в рамках лингвистической прагматики изучаются:

- Формы речевого общения (содержательный диалог, дружеская беседа, спор, ссора и т. д.);
- Социальный этикет стороны речи (формы обращения, стиль общения, стандарты общения);
- Соотношение между участниками общения в определенных речевых актах.

В связи с ситуацией общения в рамках лингвистической прагматики изучаются следующие вопросы:

- Интерпретация дейктических знаков («здесь», «сейчас», «это» и т. д.), а также компонентов индекса в значении слов;
- Влияние речевой ситуации на темы и формы общения.

Лингвистическая прагматика также изучает речь в рамках общей теории человеческой деятельности.

Единство семиотики и теории знаков (аспекты рассмотрения знаков)

Вообще говоря, любой термин синтактика, семантика или прагматика - это семиотический термин; в узком смысле, семиотические термины - это только те термины, которые не могут быть определены на основе только одного компонента семиотики. В строгом смысле, семиотическими терминами являются «знак», «язык», «семиотика», «семиозис», «синтактика», «правда», «знание» и т. Д. Ну, а как насчет термина «значение»? В предыдущей презентации мы сознательно избегали этого. И вообще, при обсуждении признаков было бы неплохо обойтись без термина «значение»; с точки зрения теории, в этом вообще нет необходимости, и его не следует вводить в язык семиотики. Но так как этот термин имеет большую историю, так как его анализ может прояснить некоторые важные моменты этой работы, этот раздел будет посвящен его обсуждению. Путаница, связанная со «значением «значения», отчасти заключается в неспособности с достаточной ясностью различить размер семиоза, который в настоящее время является предметом рассмотрения - эта ситуация также наблюдается с недопониманием с терминами «истина» и «логика». В некоторых случаях «значение» относится к обозначениям, в других к денотациям, иногда к толкователю; в некоторых случаях - что знак указывает, в других - на процесс семиоза как таковой, и часто - на значимость или ценность. Подобная путаница встречается при обычном использовании слов «означает», «означает», «подразумевает», «выражает», а также когда лингвисты пытаются определить такие термины, как «предложение», «слово» и «часть речи». Самым простым объяснением причин такой путаницы было бы предположение, что для наиболее важных целей, используемых общими языками, нет необходимости точно определять различные факторы, связанные с семиозом, - процесс был просто обозначен каким-то образом, используя слово " смысл". Но если такое расплывчатое использование попадает в области, где важно понимание семиоза, возникает путаница. И тогда вам придется либо отказаться от

термина «значение», либо придумать способы уточнить его использование в каждом конкретном случае. Семиотика не опирается на теорию «смысла»; напротив, термин «значение» нуждается в разъяснении с точки зрения семиотики. Другим фактором, способствующим путанице, является психолингвистический: людям обычно трудно ясно думать о сложных функциональных и реляционных процессах, и эта ситуация отражается в преобладании определенных языковых форм. Действие фокусируется на работе с вещами, которые имеют атрибуты, но тот факт, что эти вещи и свойства действуют только в сложных отношениях, осознается гораздо позже и с большим трудом. Отсюда естественность того, что Уайтхед назвал иллюзорной природой простого места [места]. Когда речь заходит о значении, попытки найти его напоминают поиск мраморных шариков для игры: значение рассматривается как нечто, помимо прочего, как некое «что-то», расположенное определенным образом в определенном месте. Назначение может быть признано таким местом, которое тем самым трансформируется в некоторых разновидностях «реализма» в особый вид объекта - что-то вроде «платонической идеи», которая живет в «царстве сущностей» и воспринимается, вероятно, с помощью в особой способности интуитивно понимать «сущности». Или интерпретатор может оказаться тем местом, которое в концептуализме трансформируется в концепцию или идею, живущую в особой сфере мыслительных единиц, отношение которой к «ментальным состояниям» отдельных интерпретаторов очень трудно сформулировать. Наконец, в отчаянии от такой альтернативы можно обратиться к символическим средствам - хотя в истории этого взгляда только несколько «номиналистов», если таковые имеются, придерживались этого взгляда. В действительности ни одна из этих точек зрения не оказалась последовательной и необходимой. Подобно семиотическим терминам, ни «знаковые средства», ни «обозначать», ни «переводчик» не могут быть определены без корреляции друг с другом; следовательно, они не являются изолированными сущностями, но вещами или свойствами вещей в определенных, точно установленных функциональных отношениях с другими вещами или свойствами. «Ментальное состояние» или даже реакция как таковая не являются интерпретаторами, но становятся ими, если они представляют собой «учет чего-либо», вызванного символическими средствами. Таким же образом, ни один объект как таковой не является денотатом, но становится им, если он действует как член класса объектов, обозначаемых с использованием некоторых символических средств в соответствии с семантическим правилом, которое существует для этих символических средств. Ничто в его внутренних свойствах не является знаком или символическим

средством, но может стать таковым, если, выступая в качестве посредника, оно позволяет вам что-то принимать во внимание. Ценности не должны быть помещены как объекты в любом месте процесса семиоза, но должны быть определены на основе этого процесса в целом. «Значение» - это семиотический термин, а не имя в языке, на котором говорят о вещах; Сказать, что в природе есть смыслы, вовсе не значит, что наряду с деревьями, камнями, организмами существует класс сущностей, но только то, что такие объекты и свойства функционируют в рамках процесса семиоза. При таком подходе можно также избежать другого постоянного камня преткновения, а именно признания значимости как явления в принципе, личного, частного или субъективного. Исторически эта точка зрения была в значительной степени обусловлена ассимиляцией концептуалистского подхода ассоциативной психологией, которая сама по себе некритически приняла широко распространенную метафизическую идею субъективности опыта. Оккам или Локк полностью осознавали важность умения в функционировании знаков, но как ассоциативная психология все более и более сводили умственные явления к комбинациям «психических состояний» и представляли эти состояния как происходящие в «мозге» индивида и доступные только для его субъективного сознания само значение стало видеться в этом свете. Считалось, что значения были недоступны для внешнего наблюдения, но люди каким-то образом смогли передать свои личные умственные состояния с помощью звуков, письменности и других знаков. Понятие субъективности опыта нельзя обсуждать здесь с той тщательностью, которой заслуживает эта проблема. Однако можно предположить, что такой анализ показал бы, что сам термин «опыт» является термином отношений, замаскированных под название вещи, а x - это опыт тогда и только тогда, когда существует некоторый y (субъект опыта). расположен с л: в отношении опыта. Если мы сокращаем отношение опыта как E , то класс y , такой что y по отношению к E к чему-то, является классом субъектов опыта, а x , к которым что-то относится к E , образуют класс данные опыта. Следовательно, опыт - это не особый класс объектов наравне с другими объектами, а объекты в определенном отношении. Отношение E не будет рассматриваться здесь подробно (это главная задача эмпиризма), но в первом приближении можно сказать, что воспринимать что - то , как дано в опыте это учитывать свойства этого «что - то» через соответствующий поведением; опыт является прямым в той степени, в которой он формируется прямой реакцией на что-либо, о чем идет речь, и косвенным - в той степени, в которой он формируется посредством знаков. Чтобы y воспринимать x в эксперименте достаточно, чтобы иметь силу $y | E | x$, восприятие опыта будет осознанным, если $y | E | x$ - отношение опыта (то есть, если оно имеет силу $y | E [y | E | x]$),

в противном случае восприятие опыта без сознания. Опыт x_1 де-факто субъективен по отношению к y_1 , если y_1 является единственным, кто относится к E по отношению к x_1 ; Опыт x_1 субъективен по своим внутренним свойствам для y_1 в соответствии с определенным состоянием знаний, если известные законы природы позволяют нам сделать вывод, что никакой другой y не может быть в этом отношении с x_1 . Точно так же опыт де-факто является интерсубъективным (интерсубъективным), если он не де-факто субъективен, и он потенциально интерсубъективен, если он не субъективен по своим внутренним свойствам. Следует отметить, что при таком использовании терминов может оказаться, что человек не способен непосредственно воспринимать такие аспекты себя как данные опыта, которые другие могут непосредственно воспринимать, и, таким образом, граница между субъективным и интерсубъективным опытом не совпадает с границей между субъектами опыта и внешними объектами. Как этот (пробный и предварительный) анализ связан с проблемой значимости? Можно допустить, если это подтверждается фактами, что есть некоторые свидетельства опыта, которые де-факто являются субъективными, когда речь идет о прямом опыте, и что это может также относиться к прямому опыту процесса семиозиса; в заключении не было бы ничего удивительного: если я толкователь определенного знака, то есть некоторые аспекты процесса интерпретации, которые я могу непосредственно воспринимать в опыте, а другие - нет. Важно, чтобы такой вывод не противоречил положению о потенциальной интерсубъективности какой-либо ценности. Тот факт, что y_1 и y_2 не имеют отношения прямого опыта к опыту другого, не препятствует как непосредственному восприятию x_1 в эксперименте, так и косвенному значению (и, следовательно, косвенному восприятию), используя знаки, отношения опыта в котором является другой субъект - потому что при определенных обстоятельствах объект, который не дан в непосредственном опыте, тем не менее может быть обозначен. Мы применяем сказанное к случаю конкретного знака: непосредственное восприятие в ситуации значений y_1 и y_2 может быть различным, но тем не менее оба они могут иметь одинаковое общее значение и, как правило, могут решить, что «другой хочет сказать», знаком и в какой степени эти два значения являются одинаковыми или разными. Для того, чтобы определить, какое значение S_1 имеет (то есть знак означает) для y_1 , исследователь абсолютно не нужно становится y_1 или иметь то же восприятие S_1 , что и y_1 - достаточно определить, как S_1 связан с другими знаками, используемыми y_1 , в каких ситуациях y_1 использует S_1 для целей значения bo и каковы ожидания y_1 , когда он отвечает на S_1 . в той степени, что указанные отношения оказываются одинаковыми для y_2 , так как для y_1 S_1 имеет такое же

значение для них, поскольку эти отношения различны для ил и у2, значение SI отличается. Таким образом, поскольку значение знака исчерпывающе характеризуется из-за установления правил его использования значение любого знака в принципе можно определить с помощью объективного исследования. И поскольку таким образом можно (если необходимо) стандартизировать такое использование, результатом является потенциальная интерсубъективность значения любого знака. Даже когда знаковое средство субъективно по своим внутренним свойствам, его существование с тем или иным значением может быть подтверждено косвенно. Это правда, что на практике определение значения является трудным и что различия в использовании знаков даже членами одной и той же социальной группы очень велики. Однако с точки зрения теории важно понимать, что субъективный характер некоторых данных опыта и даже восприятий в опыте знакового процесса совместим с возможностью объективного и всеобъемлющего определения любой ценности. Как упомянуто выше, термин «значение» был введен здесь только условно, чтобы более четко представить концепцию этой работы; далее этот термин не будет использоваться, поскольку он ничего не добавляет к системе семиотических терминов. Как видно из приведенных рассуждений, то, что будет называться знаковым анализом, соответствует требованиям научных исследований. Признаковый анализ - это изучение синтаксических, семантических и прагматических аспектов конкретных семиотических процессов; Это разъяснение правил использования этих знаковых средств. Логический анализ в широком смысле слова «логика» идентичен знаковому анализу; в более узком смысле логический анализ является частью анализа знака, такого как изучение синтаксических отношений конкретного знакового средства. Анализ знаков (т.е. описательная семиотика) может проводиться в соответствии с общепризнанными принципами научных исследований.

Использование в науке

Семиотический подход к изучению знаковых систем по существу проявился уже в логико-математических работах Лейбница (конец 17-го века), который предвосхитил принципы математической логики и семиотики с ее понятием «универсального исчисления». Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (конец 19-го века) рассматривал естественные языки как систему знаков, развивая теорию значения знаков в рамках научной дисциплины, называемой семиологией. Основные принципы семиотики были четко сформулированы К. Пирсом (вторая

половина XIX века), термин «семиотика» был введен и развит в работах С. Морриса, Р. Карнапа, А. Тарского и других. Для семиотического подхода характерно выделение трех уровней исследования знаковых систем, соответствующих трем аспектам семиотических проблем: 1) синтаксис посвящен изучению синтаксиса знаковых систем, то есть структуры комбинаций знаков и правила их формирования и преобразования независимо от их значений и функций знаковых систем; 2) семантика изучает знаковые системы как средство выражения смысла - ее основным предметом является интерпретация знаков и комбинаций; 3) прагматик изучает отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения. Одна из наиболее важных проблем семиотики - выяснить, насколько эти уровни исследований взаимно совместимы.

Структуралистская программа де Соссюра (частично предвиденная лингвистическими идеями В. фон Гумбольдта) легла в основу семиотических исследований в конкретных науках. Первая такая семиотическая дисциплина была изложена в его работах и интенсивно развивалась с 1920-х годов. в ряде стран (Чехословакия, СССР, США, Дания и др.) структурная лингвистика. В настоящее время как ее синтаксический аспект (теория так называемых формальных грамматик, основанная на логико-математической и частично теоретико-методологической методологии), так и семантический («смысл-текстовая модель»), а также методологический (например, ищет так называемые лингвистические универсалии в работах Н. Хомского и его школы) аспекты и многочисленные прикладные области (вероятностно-статистические описания языковых структур; работы Ю. В. Кнорозова по расшифровке древних письменностей и т. д.). По примеру и модели лингвистики идентификация внутренних структур и их моделирование были разработаны в литературной критике («формальная школа» Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, монография В. Я. Проппа «Морфология сказка », работы Ю.М. Лотмана и др.« По структурной поэтике », ряд работ Э. Б. Бахтина), в эстетике (оба в прикладных терминах - семиотическое изучение «языков» кино, театра и другие виды искусства, и в целом теоретические), в психологии и педагогике (школа Ж. Пиаже, творчество Л. С. Выготского и других советских психологов, а также «инсталляция» концепции труда и общей педагогики А. К. Гастьева), в этнологии, антропологии и культурологии (структурная антропология К. Леви-Стросса), в социологии, экономических науках и др.

Теоретическая (или формальная) семиотика представляет собой комбинацию синтаксических и семантических исследований систем знаков (часто связанных с металогией) применительно к искусственно формализованным языкам, то есть логическим и логико-математическим исчислениям, рассматриваемым вместе с их интерпретациями (семантикой) или независимо от них. (синтаксис): метаматематические исследования Рассела, Уайтхеда, Гильберта, Гodelя, Г. Гензена, А. Черча и других, логико-семантические и теоретические модели работ Фреге, Карнапа, Церкви Дж. Кемени, Тарского и его школы А. И. Мальцев и его ученики и т. Д., А также выполненные в рамках конструктивной работы математики А.А. Марков, Н.А.Шанин и их ученики по общей теории исчисления. Теоретическая семиотика также включает в себя, наряду с работами Пирса и Морса по программированию, работы Витгенштейна и Карнапа (посвященные логико-философским принципам моделирования мира), генетический анализ логико-когнитивных структур в трудах школы Пиаже. и позже работает над «структурной эпистемологией». На стыке общетеоретических исследований по семиотике различных семиотических дисциплин разрабатываются многочисленные описания алгоритмических и языков программирования, которые реализуют на достаточно высоком уровне абстракции (но применяются к очень специфическим знаковым системам) общие принципы семиотики и математическая логика (например, язык REFAL). В рамках теоретической семиотики аспекты семиотических исследований - синтактика, семантика и прагматика - могут пониматься как разделы этой науки (так же как кинематика, статика и динамика различаются в теоретической механике).

Проблема взаимного сокращения задач и результатов, связанных с этими разделами семиотики, получает здесь точное утверждение.

Практическая и философская значимость семиотики обусловлена тем, что она интерпретирует различные знаковые системы как модели определенных фрагментов мира, построенных в ходе познавательной и практической деятельности людей. Типичным примером такого моделирования является широкий спектр кибернетических исследований, объединенных общим названием «искусственный интеллект».

7.Список используемой литературы

- 1. Н. Д. Арутюнова. Г. Б. Гутнер. — Синтактика. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019).
- 2. Г. Б. Гутнер. — Семантика. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019).
- 3. Чарльз Уильям Моррис Основания теории знаков

8. Антиплагиат

☐ <u>Аспекты.txt</u>	 04 Окт 2019 21:21	65,33%	ПОСМОТРЕТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ
ОТЧЕТ №1	Проверено: 04.10.2019 21:21:53		
Начало проверки: 04.10.2019 21:21:52			
Длительность проверки: 00:00:01			
Модуль поиска	Заимствования	Цитирования	Оригинальность
Модуль поиска Интернет	34,67%	0%	65,33%